

разделения труда и выражается в статусных терминах варны, унаследована из далекого прошлого в неизменной форме и носит ритуализованный характер, а настоящее социально-экономическое положение входящих в варны каст и *джати* может радикально отличаться от «ожидаемого». Варновый статус и поныне определяет всю парадигму взаимоотношений в кастовом обществе; при нынешнем уровне социально-экономического развития многие *джати* считают собственный статус неприемлемым и даже унижительным. В этом обстоятельстве лежит причина высочайшей политизированности современного института касты.

Посмотрим на этнокастовые общности Индии и их варновые статусы в историческом ракурсе.

Этнокастовые общности пашенных земледельцев жаркого пояса, варновый статус шудра.

Земледелие не является специализированным занятием конкретных *джати* и каст, но оно ставит занимающиеся обработкой земли общины в положение *шудр*, так как считается базовой статусной характеристикой четвертой варны. В сложном технологическом процессе земледельческого труда выделяются отдельные этапы, для выполнения которых есть свои специалисты. Пахота как таковая, работа с плугом, считается специализированным занятием отдельных кастовых групп, название которых производно от слова «плуг», например *хали*. Есть специализация по видам выращиваемых культур, особенно зеленных и овощных, масличных и садовых, а также цветов и пряностей. Например, выращивание куркумы — чрезвычайно непростой вид земледелия, практически ручной мотыжный, и на нем специализируются бывшие племена, ставшие земледельцами, такие как *бхилы* (Bhīl) или *кхонд* (Khoṇḍ) Ориссы. Множество *джати* специализируется на культивации пальм, и это тоже особый, очень первоначальный по характеру вид земледелия, когда вся работа на земле состоит в выкапывании колодца под посадку этой пальмы и ее дальнейшем поливе. Но последующие операции сбора и переработки продуктов кокосовой и пальмировой пальм относят этот вид профессиональной деятельности к хозяйственно-культурному типу охотников и собирателей лесов влажного тропического пояса.

Речные долины и дельты Коромандельского побережья Тамилнада и Карнатаки, а также приморская полоса Малабарского побережья в Керале — влажные тропики. В этих районах земле-

делие начиналось как подсечно-огневое, и память об этом периоде истории дравидских племен сохранилась в местном фольклоре и мифологии. Характерный мотив таков: правитель должен воздавать честь земледельцам, самым важным людям в его царстве, в противном случае оно не будет процветать. В государстве важны не воины, не певцы и даже не жрецы, а земледельцы! Царя убеждают такими словами: «Царство досталось тебе потому, что земледельцы сделали почву плодородной». В Шри Ланке и Таиланде царь символически пашет первую борозду в начале сельскохозяйственного года при рисосеянии [Hellmann-Rajanayagam 1995: 124]. Плодородные почвы и щедрый регулярный муссон способствуют высокопродуктивному пашенному земледелию. Здесь уже с древности развиты сложные в техническом отношении системы ирригации, и благодаря всем этим условиям возможно интенсивное круглогодичное выращивание риса. Рис как культура известен в Индии не менее двух тысяч лет; само слово «рис» имеет дравидское происхождение. Рисосеяние стало основой цветущей земледельческой экономики, которая установила тесные торговые отношения с приморскими портами Западной Азии и Дальнего Востока. На рубеже н. э. древняя земля тамиллов Тамилакам объединяла три царства и была по размерам значительно больше, чем современный Тамилнад. Наибольшей власти достигли Чола; их государство включало густонаселенные земли в долине р. Кавери, в современном Танджоре (Тханджавур) и Тричинополи (Тиручирапалли). Соседи Чолов Пандья правили на территории вокруг древнего храмового города Мадураи, а Паллава базировались в Канчипураме (Кондживерам), в районе, известном как Тондеймандалам. Соседнее государство Чера возникло на Малабарском побережье, на территории современной Кералы. Здесь большая часть власти оказалась сконцентрированной в руках местных так называемых «портовых царей», богатства которых возрастали благодаря динамичной морской торговой экономике, которая сформировалась уже во II–I вв. до н. э. на экспорте черного перца, пряностей и ценных продуктов леса [Bayly 1992: 21]. К X в. в этих районах существовали пять могущественных царств, правители которых принадлежали к контролирующим землю клановым структурам и уже на рубеже н. э. подпали под влияние брахманов, которые поселились в этих благодатных регионах целыми колониями. Брахманы не уставали учить, что религиозное благочестие состоит в том, чтобы делать дары брах-

манам, отдельным наставникам и храмам, и таким образом сделались очень состоятельными землевладельцами.

В ранней истории Юга не было характерного для этнокастовой ситуации Северной Индии сотрудничества между брахманами и кшатриями. Брахманы, а на каком-то этапе также буддийские и джайнские общины жили как духовные учителя и соседи уважаемых земледельческих общин, и союз между ними и дравидскими, восточноиндийскими (орисскими) и даже ланкийскими земледельческими *джати* был вполне добровольным, мирным и взаимопользительным. Можно сказать, что носители культуры *дхармы* селились в этих краях как наставники и гости конкретных правителей и отдельных общин и со временем обживались. Этим можно объяснить практически полное отсутствие «настоящих» кшатриев в социальной мозаике Юга, и такое положение дел наблюдалось приблизительно до XVII в. [Jaiswal 2000: 66]. Здесь богатства и власть связаны с контролем над землей, с рисом и прянощами, с кокосовыми рощами, а не с набегами и воинскими рейдами за скотом. Но, как и на Севере, брахманы, *веллала*, *наяры* и другие земледельческие общины совместно эксплуатировали труд безземельных тружеников из варны *шудра* и «неприкасаемых», бывших лесных собирателей, имеющих навыки ручного земледелия и огородничества. Эти последние становились подчиненными сельскохозяйственными работниками, причем положение дел было жестко ритуализовано требованиями *свадхармы* и схемами региональной иерархии каст. Среди них надо назвать касты *палла/паллан* (Palla/Pallan), *палли/паллиян* (Palli/Palliyān), *парейя* (Paraiya), более известные как *пария*, *чаккилия* (Chakkīliyan), *черума* (Cheruman), *пулая* (Pulayan) и др. Все подобные низшие и «неприкасаемые» касты получили название *ади-дравида* (Ādi-Drāviḍa, букв. «первоначальные дравиды») и стоят на низших ступенях иерархии. В последние десятилетия заметна тенденция к формулированию иерархического порядка в более уважительном к местным шудрам виде: брахманы — небрахманы — ади-дравида.

Веллала/веллалар (Vellāḷa/Vellāḷar)¹, ***веллала инам*** (Vellāḷa iṅgam) являются основной тамильской земледельческой и зем-

¹ В настоящее время широкоупотребительным стало название *пиллей* (Pillai), также имеющее старинную историю.

ледельческой кастовой общностью («большой кастой»), отнесены к варне *шудра*, но считают такое определение оскорбительным. Они называют себя *веллала инам*, и второй компонент этого термина передает понятие «народ». *Веллала инам* состоит из множества *джати*, которые определяют себя частью единого сообщества, хотя привержены разному образу жизни. Среди них есть, например, ткачи и даже похоронные служки; эти *джати*, как и все остальные в этой ЭКО, имеют в своем названии компонент *веллала*. Относятся к подразделению «правой руки».

Веллала хорошо помнят свою историю и свое значение в составе населения дравидской Индии. В переписи 1901 г. *веллала* отмечены как вторая по численности каста региона (2,4 млн. человек), которая была широко расселенной. Приведу цитату из книги Г. С. Гхурье: «Газеттир дистрикта Салем, составленный на основе материалов переписи 1901 г., отмечает 10 географических подразделений *веллала*. *Конга веллала* (Kōṅga Vellāḷa) состоят, по версии этого справочника, из 8 групп. Другие авторы отмечают до 400 подкаст *веллала* численностью примерно по 6 тыс. человек или 150 подкаст примерно по 16 тыс. в каждой. В дистрикте Тинневелли *веллала* представлены тремя главными группами: *тонда мандала* (Tonḍai Maṅḍala), или *мудалияр* (Mudaliyār), высшая; *карейкаттар* (Karaikattār), или *Пандья веллала* (Pāṇḍya Vellāḷa), под названием *пиллей* (Pillai); и *пиллеймар веллала* (Pillaimār Vellāḷa), состоящие из двух групп, которые не женятся и не обедают друг с другом» [Ghurye 1969: 376]. Цитата очень характерная, и приведена для того, чтобы стало ясно, как выглядят собранные переписями факты. Г. С. Гхурье считал *веллала* типичной «неправильной» и слишком большой кастой, не поддающейся строгому научному анализу.

В действительности «каста *веллала*» относится к разряду многосоставных этнокастовых общностей, собрана из множества *джати*, в числе которых представлены все сословные группы ее добрахманического состояния. Посмотрим на аргументы в пользу этого предположения.

Название *веллала* было известно уже автору Законов Ману, где они названы в числе *шудр*. Правители *веллала* сохраняли свою власть вплоть до начала санскритизации и периода Шангам, когда их заместили поддерживаемые брахманами и поддерживающие брахманов адепты санскритизации, называвшиеся *велир* (vēlir). *Веллала* сохранили память о том, что они, «изгнанные

брахманами», некогда пришли в страну Паллаво (300–888 гг.), где поработили местное население, входящее ныне в состав низкой касты *паллиян*, или *падаеячи* (Padaiyāchi, букв. «пешие воины»), специализация которых — безземельные сельскохозяйственные работники. Антропологи пока не имеют возможности подтвердить эти сведения.

Веллала неизменно рассматриваются как основная часть населения Тамилнада, соль этой земли. «Некоторые касты *веллала* считают себя принадлежащими к определенному месту, к определенному сорту почвы, и уверены, что если они выкорчеваны с этого места или не имеют возможности жить там, то их будут преследовать несчастья. Они думают, что приспособиться к другому образу жизни не могут» [Dirks 1987: 144]. Соответственно они всеми силами старались сохранить за собой наследственную землю: чужакам ее не отдавали никогда. Существовало предубеждение, что если утратить землю клана, его постигнут неодолимые несчастья, ведущие к гибели. Среди дравидов распространено мнение, что кросскузенные браки являются способом сохранить сакральную землю матрилинейного клана. Один из первых исследователей дравидского Юга Э. Тэрстон рассказывает о тамильских традиционных представлениях, связанных с ролью и значением земледельцев: «Земледельцы создают порядок из существующего хаоса и опасного нестроения и осквернения, которое гнездится в лесах. Они заботятся об ирригации и делают землю плодородной. И они могут, как *каркатта веллала* (Karaikatṭār Vellāla, букв. «приносящие тучи» *веллала*), призывать дожди посредством ритуалов и жертвоприношений. Их деятельность и добрая воля гарантировали жизнь и процветание для всех. В конечном счете для всего мира» [Thurston 1907–1909: VII, 368–379]. Здесь, как видим, упоминается одна из *джати* добрахманического жречества этнокастовой общности *веллала*.

В составе *веллала* *инам* множество разных *джати*, их специализация — крупные землевладельцы, деревенские грамотеи-учетчики, ведущие документацию общины, лавочники, мелкие землевладельцы, храмовые служители. В начале XX в. английские исследователи описывали составляющие эту общность *джати* как территориальные и «другие» группы, числом до 900; в их перечислении отмечены названия «волосы узлом», «красноголовые», «военачальники», «серебряные руки», «те, кто носит кораллы», «живущие у подножия гор», «уши с большими дырами»,

«речной берег» и др. [Thurston 1907–1909: VII, 373–375]. И, конечно, *веллала* не «расщепляются на множество групп», напротив, этнокастовая общность состоит из родственных *джати* и кланов, имеющих каждый свою территорию расселения и объединенных общим происхождением и образом жизни. Санскритизация этих племен способствовала появлению у них единого литературного языка тамили и богатой литературной традиции, связанной с деятельностью гимнотворцев-бхактов *наянмаров* и *альваров*.

В культуре *веллала* много необычных для санскритизированной общности особенностей. Многие из них отличаются высокой степенью санскритизированности, и их профессии связаны с культами и обрядовой практикой небрахманического типа; к их числу относятся чтецы *оттувар* (*oṭṭuvār*), жрецы *пантарам* (*pandāram*), служки *тампиран* (*tampiran*) в южноиндийских храмах и матхах. Но есть и питающиеся мясом, почитающие кровожадных богинь-матерей тантристы, участвующие в экстатических обрядах. По данным Э. Тэрстона, в начале XX в. они хоронили своих мертвых в могилах, в сидячей позе, привязывая через шею; обычай этот сохранялся с неолитических времен [Thurston 1907: 137]. В похоронных обрядах была велика роль представителей касты *велан* (*Vēlan*), «исполнителей диких плясок для потусторонних сил, шаманов, чародеев и целителей, колдунов-знахарей» [Thurston 1907: 137]. Известно также, что в своем добрахманическом состоянии они жили матрилокальными общинами-*таравад*: в некоторых районах еще несколько десятков лет назад *таравады* обитали в окруженных стенами традиционных семейных домах, в которые никакие мужчины не допускаются, а женщины не выпускаются из него. Этот семейный дом переходит по наследству младшей дочери, которая выходит замуж и остается жить здесь до того момента, когда ее самая младшая дочь выйдет замуж. В числе характерных особенностей *веллала* Э. Тэрстон выделил такие: выглядят респектабельно, носят длинные волосы, красиво одеваются. Выращивают рис, бетель и «лучший в мире табак». Другое их кастовое занятие — деревенские счетоводы и учетчики. *Веллала* в большинстве своем грамотные и пишут на листьях пальмировой пальмы металлическим стилем, очень аккуратные. Читают свои записи. Женщины, *веллаличи* (*Vellālicī*), чрезвычайно экономные и трудолюбивые, они носят голубую одежду. Особенно почитают змей [Thurston 1907–1909: VII, 368].

Вероятно, они действительно высоко ставили грамотность — известно, что уже в 1871 г. крестьяне-*веллала* подали верховному комиссару переписей петицию, чтобы их передвинули в кастовой иерархии в варну вайшья [Béteille 1967: 97].

Ныне все группы *веллала* демонстрируют высокую степень освоения санскритских стандартов культуры. Это, в частности, проявляется в приверженности патрилинейной филиации и в традиции жить большими патриархальными семьями. К. Гоу считает, что не только брахманическое влияние, но и наличие крупного землевладения заставляет *веллала* держаться сплоченными родственными коллективами [Gough 1956: 827].

В составе общности *веллала инам* сильные позиции сохраняют *джати* традиционного добрахманского жречества. Под их влиянием на всем протяжении истории *веллала* проявляют организованное стремление искоренить брахманов с занятого теми жреческого места, лишить земельных угодий. Они культивируют в себе чувство духовного превосходства, которое доказали успехами в развитии индуистского вероучения и ритуала. Именно они, как видно по духовному подъему эпохи Шангам, восприняли санскритизацию как способ выразить свои религиозные идеи и культовую практику по подобию развитого брахманизма, но не согласились заместить им свои ценности и достижения. И, напротив, брахманизм обогатился достижениями санскритизированной жреческой практики *веллала* и деталями их вероучения. В этом проявилась характерная особенность санскритизации — это обоюдный процесс. Литература эпохи Шангам (Чанкам) в большей ее части создана поэтами, жрецами и интеллектуалами, принадлежавшими к этнической общности *веллала*. Из 63 святых учителей шиваизма на Юге «многие были *веллала*», а выдающийся *веллала* по имени Секкилар, главный министр правителя Кулотунга II из династии Чола, написал в XII в. наиболее известную и сложную агиографическую работу, высокоочтимую на Юге, — *Перия Пуранам* (Periyā Purāṇam). Это первая работа, которая превозносит тамильское наследие над принесенными с Севера знаниями, таким образом, Секкилар предвосхитил современные антибрахманические настроения в Тамилнаде. Жреческие *джати веллала* настолько высоко ставили свои амбиции, что с некоторыми произошли курьезные ситуации. С появлением католических миссий в Южной Индии отдельные жрецы *веллала* обратились к служению в христианских храмах. Знаменитая ие-

зуитская миссия Роберто де Нобили в Мадураи приняла в качестве делопроизводителей и общинных старост именно грамотных, умеющих вести дела в храмах и работать с людьми жрецов-*веллала* [Bayly 1992: 410–411]. Они превратили эти должности в способ подтвердить свой высокий статус и влияние: демонстрировали свою власть над другими обращенными, и организация работы в миссии давала им возможность «трансформировать свою деятельность в целый комплект маркеров престижа. В числе их были такие: только они могли сопровождать миссионеров в передвижениях по стране к пастве, только они могли брать в руки общинные сосуды и другие предметы культа, только они могли помогать священнику во время мессы. Они, так же как видные семьи касты *парав*, сидели на отдельных местах близко к алтарю во время службы в храме, и только они могли вести службу в деревне в отсутствие священника или если его в деревне вообще не было. Они также собирали денежные пожертвования в храм и налоги на проведение праздников. Контроль над финансами тоже был маркером статуса» [Bayly 1992: 410–413].

Знаменитые царские династии периода послегуптской консолидации Юга происходили из *веллала*. Это династии Чола, Пандья, Паллава (букв. «веточка лианы», что говорит о происхождении правящего клана из «лесных племен»). Они должны были приглашать к себе наемные армии и укрепляли отношения с брахманами, не только северными, но и образовавшимися местными: одаривали их землей, заказывали ритуалы, поддерживали *дхарму* тем, что оказывали покровительство храмам, «деятелям» искусства и литературы, обеспечивали брахманов постоянным доходом и т. д. В этой своей политике они в угоду местным брахманам даже повели борьбу с джайнскими и буддийскими общинами. К этому времени они широко расселились по всему дравидскому Югу и на Шри Ланке². Похоже, что любые тамилговорящие владетельные линиджи и целые земледельческие общины могли претендовать на кастовый статус *веллала* и с течением времени были признаны таковыми; они пережились с «настоящими» *веллала* семьями. Это явление, характерное для этнокастовых общностей: эндогамия группы сочетается с гипергамией ее кланов. Вместе

² *Веллала* многочисленны на Шри Ланке, где слова *тамил* и *веллала* являются синонимами. В Джафне в XIX в. они составляли абсолютное большинство населения [Jaiswal 2000: 78].

с тем похоже, что уже около X в. главными факторами идентификации *веллала* были тамильский язык, принадлежность к тамильской культуре, к шиваизму и сельскохозяйственный образ жизни [Robb 1995: 52–53]. Очень жесткой была установка: ни брахманы, ни низкие касты не могли считаться *веллала*. Тамильский язык рассматривался как главный признак, отличающий *веллала* от брахманов и других северян. Те, кто не говорит на тамильском языке и не имеет наследственной земли в стране тамиллов, не считались *веллала*. Под влиянием политизации вопроса в конце XIX — начале XX в. обострилось противопоставление тамильской и — шире — дравидской культур и связанной с ведическими и брахманическими корнями культуры Севера. В XX в. националистические настроения усилились, а положение брахманов рядом с тамильскими националистами стало осложняться. «В 1930-е гг. политически оформилось так называемое “Движение самоуважения”, которое несло антибрахманские настроения в массы. Начали публиковать газеты на английском и тамильском. В них брахманов высмеивали за невежественность и преследование узких групповых интересов. Брахманизм как образ жизни подвергался атакам за его нетерпимость, двуличие, за эксплуатацию, которую он практикует и вдохновляет. Делались попытки отказаться от услуг брахманских жрецов, и была создана ассоциация сторонников их отстранения (от ритуала). Лидирующей фигурой в нападках на брахманов был один из руководителей Конгресса Е. В. Рамасвами Наикер Перияр. В 1930-х — начале 1940-х гг. он возглавлял Движение самоуважения и увлек группу образованных молодых энергичных людей идеалами своего учения» [Bétéille 1991: 346–347]. Созданное Е. В. Рамасвами Наикером движение *Дравида Муннетра Кажасам* (Дравидская Партия Прогресса), отличающееся антибрахманской направленностью, стало постоянным фактором индийской политической жизни.

Джаты (Jāt). В варне земледельцев этнокастовые общности, как правило, не принимают свой определенный брахманами статус *шудр* и часто претендуют на кшатрийский на том основании, что они как землевладельцы могут считаться если не воинами, то правителями. Характерным примером этнокастовой общности, претендующей на кшатрийский статус «правителей», являются *джаты*, имеющие общее происхождение с раджпутами — кочевниками и скотоводами. Но они оказались не «воинами и правите-

лями», а земледельцами: не все кланы были владетельными, «территорий власти» на всех не хватило. Поэтому уже много столетий они ориентированы на обретение положения землевладельцев, и вся их история связана со стремлением укрепиться на земле. Джаты — «народ и одноименная земледельческая каста этнического происхождения» [Кудрявцев 1971: 274], общая их численность — не менее 15 млн. человек. Сейчас джаты составляют основное земледельческое население Панджаба (в том числе пакистанского), Раджастхана, а также западных районов долины Ганга, а в районе Дели являются второй по численности кастовой общностью. Их деревни преобладают в дистриктах центрального Панджаба — Амритсар, Лудхиана, Джалландхар. Здесь ведется орошаемое земледелие, и это богатые районы с большими плотно населенными деревнями. Сегодня «никто не слышал о джате, который бы не имел земли» [Singh, Mann 1993: 25]. В тех деревнях, где джаты доминировали, раджпуты редко играли заметную роль. В кастовой иерархии джаты традиционно занимают промежуточную ступень между раджпутами и профессиональными (ремесленными и обслуживающими) *джати*. Но ставшие сильными и богатыми, доминирующие в деревне землевладельческие кланы джатов во многих районах ведут борьбу за признание себя стоящими в иерархии сразу после брахманов. История джатов дала им способ во многих случаях обходиться совсем без брахманов.

Испокон веков через северо-запад в Индию приходили завоеватели, и местное население сегодня представлено многими и разными этническими общностями. Вместе с тем этот район давно санскритизирован — достаточно сказать, что сами арии в первые века пребывания в Индии базировались только в этих пределах. Этнографическое изучение панджабских каст и племен началось при Д. Иббетсоне. Знарок реалий индийской жизни и одновременно крупнейший колониальный чиновник, генерал-губернатор Панджаба³, руководитель переписей 1881 и 1891 гг., предшественник Г. Рисли на этом посту, который оказался впоследствии главным критиком расовой теории Г. Рисли, Д. Иббетсон увидел: то, что английская колониальная этнография понимала под словом «каста», не очень хорошо коррелировало

³ Панджаб во времена Д. Иббетсона включал территории нынешнего пакистанского Панджаба.

с реальностью. Он первым сформулировал верное наблюдение: статус основанной на родстве группы зависел от отношения к власти, к правящему клану, и от профессии. В этом регионе правящие кланы считались раджпутами, земледельческие — джатами, а скотоводческие — гуджарами; изменение профессионального статуса влекло за собой изменение кастового. «Мы наблюдаем кланы, которые называют себя то джатами, то раджпутами, в зависимости от имущественного и властного положения. <...> Процесс передвижения и перегруппировки в кастовых рядах происходит ежедневно вокруг нас» [Ibbetson 1916: 8]. Это свое объяснение Д. Иббетсон называл «социально-экономическим».

В действительности не только владетельные раджпуты, но и умеренного достатка землевладельцы и земледельцы джаты, и еще более зависимые от землевладельцев пастухи-гуджары (Gūjar), и полукочевые пастухи-ахиры (Aḥīr), и другие перечисленные группы Панджаба являются этнокастовыми общностями, восходящими к одному потоку переселенцев и завоевателей, — восточноиранским *шака* (śāka), и появились здесь в V в. н. э. Д. Иббетсон доказывал, что джаты, гуджары и раджпуты «принадлежали к одной и той же группе племен» [Ibbetson 1893: 262], которая получила в науке название «гуджаро-джато-раджпутский комплекс племен». Они были широко представлены в населении всей Северной Индии уже в VII–VIII вв., а правящие династии, отмеченные в источниках как раджпутские, имеют к ним прямое отношение. Дальнейшее развитие этой точки зрения представляет предположение, что сам термин «раджпут» социальный, а не этнический, хотя он относится только к представителям определенных этнических групп. «Когда многочисленные бала, индо-скифы, гуджары и гунны осели (в Индии. — Е. У.), то их ведущие военные и правящие семьи стали называться “раджпутами”, а те, кто занялся обработкой земли, стали джатами» [Baden-Powell 1899: 3, 534]. Гуджары остались простыми скотоводами и пастухами. Эта гипотеза подтверждается этнологическими исследованиями.

Приведенное Д. Иббетсоном описание особенностей этих панджабских «классов» и кланов практически является описанием характерных черт этнокастовой общности с ее подвижным статусом, нечеткими общими очертаниями и групповой самоидентификацией. Отмеченные Д. Иббетсоном разнокастовые кла-

новые общины имели общий этнический бэкграунд, общие названия, общую историю, и сами прекрасно это осознавали. Они даже числили среди ближайших родственников семьи разных варновых статусов: царящая в среде раджпутов и джатов гипергамия способствовала почти всеобщему породнению (или, если сказать иначе, поддержанию племенной эндогамии).

Северо-Запад страны всегда был ареной постоянных военных столкновений с завоевательными армиями, и население всегда умело защитить себя даже не будучи «воинами и правителями» по своей кастовой принадлежности. Известно, что англичане при завоевании районов Северной Индии столкнулись с большими проблемами, когда оказалось, что повсюду стоят глиняные деревенские «форты», и взять их можно только приступом. Исследователи-этнографы описывают эти стены в подробностях: оказывается, на самом деле они являются запасом сухого сена и соломы для животных; стога расположены по границе владения сплошной линией и покрыты толстым слоем глиняной обмазки; эта штукатурка возобновляется после каждого сезона дождей, который обычно бывает вполне символическим, дождей выпадает мало. С каждым годом стена становится все крепче. Но интересно и то, что в очень голодные и неудачные годы, когда из-за засухи нечем кормить скот, эти стены разбираются, и оказывается, что сено внутри прекрасно сохранилось, скот поедает эти запасы, а потом при первой возможности все восстанавливается в прежнем виде. Традиционная сельская усадьба также хорошо укреплена: имеет высокие глинобитные стены, хорошо защищавшие от любого вторжения извне, в том числе и от диких зверей. «Важнейшей для государства была проблема: как обращаться с крестьянским населением в целом, как понудить его к некоторому контролю и суметь собрать налоги от этих почти неуправляемых десятков миллионов людей, защищающих себя глиняными фортами, джунглями и непроходимыми горами повсюду в Хиндустане. Это было очень важно для процесса формирования государства» [Kollf 1990: 9]. Воинственные крестьяне-джаты, вооруженные дубинками, не говоря уже об их защитниках-раджпутах, которые считали, что все налоги принадлежат по праву им самим, представляли собою очень серьезную опасность для служащих верховной власти во времена могольских и английских правителей. Здесь никто и никогда ни за что не отдавал налоги просто так. Более

того, люди чувствовали себя в совершенной безопасности и позволяли себе поживиться чем-нибудь из уже добытого сборщиками, тоже вооруженными людьми. В средние века джаты проявляли постоянное стремление к политическому и административному самоопределению, во второй половине XVII — первой половине XVIII в. вели борьбу с Могольской империей, завершившуюся созданием в 1729 г. независимого джатского государства в Бхаратпуре, которое просуществовало до 1763 г. До настоящего времени джаты сохраняют старинные клановые территориальные владения и традиционные социальные институты.

Само слово *джат* (Jāt) считается хиндиязычным вариантом древнего этнонима *яду* (*ядав*), или *джаду*, известного как название знаменитого кшатрийского клана, к которому якобы принадлежал божественный Кришна [Кудрявцев 1971: 23]. Так гласит народная этимология. На самом деле это слово может говорить о более глубоких и интересных этнических связях. Во всяком случае существующее в арабском языке слово «зат» имеет большое значение в социальной терминологии всей мусульманской Азии. Оно означает «род, родня» и может быть аналогом древнего индоарийского «джати» с тем же значением. По некоторым особенностям культуры раджпутов и джатов (которых находят во множестве за пределами Индии, не только в Синде, но даже в Ираке) [Westphal-Hellbush & Westphal 1964: 11, 13, 99–104] можно предполагать, что по крайней мере часть раджпутов и джатов может числить среди своих предков арабские (оманские и синдские) этнические группы. Это особенно ярко видно по знаменитой раджпутской традиционной архитектуре и связанной с нею идеологии строительства. Джатские кланы Манн, Чахал, Бхуллар считаются *асал джат* (*Āsal Jāt*, букв. «истинные джаты»), а все другие имеют статус «присоединившихся», «деградировавших» и т. п. [Pettigrew 1991: 163]. Современные джаты составляют три конфессиональные группы: индуисты, сикхи и мусульмане, — что не является препятствием для налаживания социальных, брачных и даже ритуальных связей в пределах всего джатского сообщества.

В современном Панджабе, как и повсюду, каждая кастовая группа связана с экономическими категориями. Землевладельцы — это джаты. Средний класс, лавочники и деловые люди — *арора* (Aroṛā) и *кхаттри* (Khattrī). Высокий процент рабочих

в промышленности и сельском хозяйстве представлен общностью *мазхаби* (Majhābī), относящейся к числу «зарегистрированных» каст. Прежде безземельные *мазхаби* получили по государственным программам поддержки землю в аренду, а джаты, вышедшие из деревни в города, устроились в транспортной индустрии, в производстве станков и машин. При этом джаты считают себя кровно связанными с землей, на которой жили их предки: джатские кланы не передают свои земельные владения в чужие руки. Таким образом, идентификация по ХКТ пашенных земледельцев стала для джатов определяющей: формально они относятся к категории *шудра*, но с такой оценкой своего статуса никогда не соглашались. В своих претензиях на кшатрийский статус они апеллировали к родству с раджпутами. Но начиная с XVI в. у джатов появилась куда более существенная причина считать себя представителями варны воинов. С этого времени в Пенджабе развивается сикхизм, и многие джаты присоединяются к учению гуру Нанак и его преемников. В этой общине они получили возможность защищать собственную землю с оружием в руках и чувствовать себя кшатриями. В их самосознании это дорогого стоит, поэтому джаты сделали преданнейшими сторонниками учения сикхских гуру, считают себя врожденными сикхами и говорят, что никакие другие сикхи не должны называться титулом *сардар* (Sardār, букв. «господин», имеет значение «истинный сикх»); они стали ядром формирующейся этноконфессиональной общности панджабцев-сикхов⁴.

Джаты не очень уважительно относятся к инокастовым сикхам: известно, что, хотя сикхизм, типичное учение *бхакти*, начинался с антикастовой проповеди и этим привлек своих сторонников, кастовая организация очень скоро проросла в братстве сикхов, и сегодня организация *джати* в этом сообществе прослеживается. Особенно высоко стоят сикхи-*кхатри* (Khattī) — *джати*, в которой родились гуру Нанак и остальные сикхские гуру. «До недавнего времени исключительно из слоя *кхатри* выходила интеллигенция — и по профессии, и по своему образованию. Они также были успешными в бизнесе» [Pettigrew 1991: 169]. Эта *джати* занимает место брахманов в сообществе джатов — и как потомки гуру, и как самые образованные и интелли-

⁴ О сикхском вероучении, культуре и истории сикхов можно прочитать, в частности, в книге «Сикхизм» [Успенская, Котин 2007].

гентные из всех. В итоге по своей сикхской и почти кшатрийской традиции джаты ориентированы на военную службу, на обретение крупных земельных владений и высокие административные посты на местном уровне. «Это люди со страстью к доминированию», — говорит Дж. Петтигрю [Pettigrew 1991: 169]. Джаты, по моим наблюдениям, выглядят очень выразительно и узнаваемо — высокие, худощавые, грациозные, но суровые, держатся с огромным достоинством. Они составляют большинство среди офицеров индийской армии, их много в полиции — туда идут представители традиционно специализирующихся на воинских занятиях кланов или «младшие братья» земледельческих кланов: у джатов, как и раджпутов, актуален майорат. А те, кто живет на земле в деревне, стремятся к обретению постов в местных органах власти, чтобы контролировать ситуацию с оборотом пахотной земли, принимать полезные для себя законы, устанавливать выгодные закупочные цены и т. д. Джаты по традиции работают только на собственной земле и не идут в наемные работники к другим землевладельцам. Теперь у них есть трактора, и они сами нанимают поденных работников. Долговременных отношений кастового типа не приветствуют и считают, что место работы и плату за труд надо заработать, а не получить по наследству. С представителями *мазхаби*, которые трудятся на их полях, они не общаются в быту, но с остальными местными кастами больших проблем в общении не испытывают. Таким образом, в этосе земледельцев-шудр джатов хорошо заметны кшатрийские черты.

В своей деревне джаты селятся большесемейными общинами, в которых доминируют те линиджи, где есть несколько братьев в расцвете сил, крепких, живущих вместе. Говорят, такая семья «может победить сотню небратьев неджатов». Клановая и семейная солидарность приоритетны; джаты рассчитывают только на свой клан и считают, что семья должна продолжаться в поколениях, быть защищенной, авторитетной, становиться могущественной и обогащаться всеми доступными способами. Подходят приобретения любого рода: в форме материальных богатств, в должностях, в воинских званиях; все идет на укрепление статуса клана в сообществе. Представления о чести *иззам* ('izzat) глубоко развиты в джатской среде и связаны с властью, прочным экономическим положением, умением защитить широко понимаемые интересы клана.